

"Взрослая"

A young girl with blonde hair, seen from behind, stands on a muddy path covered with fallen autumn leaves. She is wearing a vibrant red hooded raincoat and dark blue pants. She is looking towards a weathered, two-story wooden house with a steep, shingled roof. The house has a small porch with a wooden door and a window with a decorative wooden frame above it. To the left, another old house is partially visible. The sky is overcast and grey, with several birds flying in the air. The overall atmosphere is somber and nostalgic.

Николай Болотцев

Николай Болатаев

"Взрослая"

<https://litres.ru/74229473>

SelfPub; 2026

Аннотация

Настя выросла в сером городке Ключи и с детства мечтала об одном — поскорее стать взрослой, чтобы никто больше не решал за неё. В шестнадцать она уходит из дома вслед за парнем на восемь лет старше, уверенная, что вот теперь-то и начнётся настоящая жизнь.

Настоящая жизнь начинается — только совсем не так, как она думала. Вместо свободы — холодная комната и счета, которые нужно закрывать самой. Вместо взрослости — одиночество вдвоём.

Повесть о том, как обманчиво выглядит дверь во взрослую жизнь снаружи — и что на самом деле нужно пережить, чтобы через неё пройти.

Содержание

Глава первая. Ключи	4
Глава вторая. Егор	7
Глава третья. Комната на Заречной	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Болатаев

"Взрослая"

Глава первая. Ключи

Город назывался Ключи, хотя ничего не отпирал и никуда не вёл. Пять улиц вдоль реки, комбинат на окраине, дым из трубы которого зимой стоял над крышами, как будто небо забыло его убрать. Настя Гринько родилась здесь семнадцать лет назад и всё это время мечтала уехать — не важно куда, лишь бы там не было этой трубы, этого запаха серы по утрам и соседки тёти Вали, которая знала всё про всех раньше, чем это всё случалось.

Ей было шестнадцать, когда она решила, что детство закончилось. Решение пришло не вдруг. Оно копилось год за годом — из того, как мать приходила с завода серая от усталости и молча грела вчерашний суп; из того, как отец однажды утром просто не проснулся дома, потому что его дома вообще не было уже полгода, а мать всё говорила "он в командировке", хотя всем, включая Настю, было понятно, что никаких командировок у слесаря шестого разряда не бывает; из того, как в школе на неё, отличницу, тоже начали смотреть с подозрением, стоило ей один раз накраситься.

— Ты ещё маленькая, чтобы это понимать, — говорила

мать, когда Настя пыталась что-то спросить о деньгах, о работе, о том, почему они всё время всё считают.

— Ты ещё маленькая, — говорила классная руководительница, когда Настя сказала, что не видит смысла в химии, если после школы всё равно идти на комбинат, как все.

Тот разговор с классной она запомнила во всех подробностях, потому что именно после него что-то в ней окончательно щёлкнуло. Это было в марте, на классном часе, когда Ирина Сергеевна собрала девятый класс, чтобы поговорить "о будущем" — так это называлось в расписании. Она рисовала мелом на доске схему: школа — колледж или институт — работа, и всё это выглядело так гладко и очевидно, будто других вариантов вовсе не существовало.

— А если я не хочу в институт? — спросила тогда Настя, сама не зная, зачем спрашивает при всех.

— Тогда после девятого — в колледж, — невозмутимо ответила Ирина Сергеевна. — Хотя с твоими оценками жалко было бы не доучиться до одиннадцатого.

— А если я вообще не хочу учиться дальше?

В классе стало тихо — не потому, что вопрос был дерзким, а потому, что все, кажется, думали об этом же, просто не решались спросить вслух. Ирина Сергеевна посмотрела на неё долгим взглядом, каким смотрят на ребёнка, сказавшего что-то милое, но неуместное.

— Настенька, ты ещё слишком маленькая, чтобы понимать, чего хочешь на самом деле. Вот вырастешь — пой-

мёшь, что я права.

Настя тогда промолчала, но именно в тот момент решила про себя, что вырастет как можно быстрее — не для того, чтобы доказать что-то Ирине Сергеевне, а чтобы наконец получить право самой решать, права она или нет.

Она устала быть маленькой. Ей казалось, что взрослость — это дверь, за которой наконец никто не будет решать за тебя, где тебе спать, что тебе носить и о чём тебе можно думать. Она представляла её очень ясно: своя комната без мамы, которая заглядывает без стука, своя зарплата, свои решения. Она не понимала пока, что за этой дверью — не свобода, а просто другая комната, с другими стенами и другими счетами.

Лучшая подруга Ксюша Полторацкая была единственной, кто слушал её мечты не перебивая.

— Ты сбежишь отсюда первая, — говорила Ксюша, лёжа на неубранной кровати в комнате Насти и разглядывая потолок. — А я останусь и буду присылать тебе фотографии этой трубы, чтобы ты не забывала, откуда ты родом.

— Я не буду скучать по трубе, — отвечала Настя.

Они обе смеялись, не зная ещё, что через год всё, во что они верили про взрослую жизнь, окажется совсем не тем, что они себе представляли.

Глава вторая. Егор

Он появился в Ключах осенью, когда Насте было почти семнадцать. Приехал к дяде — механику с автобазы — то ли пересидеть какие-то свои неприятности в большом городе, то ли просто потому, что ему было двадцать два и некуда было деваться. Звали его Егор, у него была потрёпанная косуха, мотоцикл, который чаще стоял разобранным, чем ездил, и манера смотреть так, будто он уже всё в этой жизни видел и ему немного скучно.

Настя встретила его у ларька возле автобазы, куда прибежала за хлебом для матери. Он спросил у неё прикурить. Она не курила, но сказала "да", сбегала домой за отцовской зажигалкой, которая всё ещё лежала в тумбочке, и вернулась. Так началось то, что она потом долго называла про себя "моя настоящая жизнь".

Егор говорил с ней не как с ребёнком. Он рассказывал про город, откуда приехал, про людей, которых там знал, про какие-то полужулиальные заработки, про то, что "здесь, в этой дыре, ты либо спиваешься к тридцати, либо уезжаешь совсем молодым". Настя слушала и чувствовала, как внутри неё что-то расправляется, будто её наконец приняли в клуб, куда она давно хотела попасть.

Один раз, в конце сентября, они сидели у гаражей допоздна, и Егор, разбирая карбюратор при свете фонарика, вдруг

заговорил не про побег и не про жизнь где-то там, а про мать, которая вырастила его одна на три ставки уборщицы и с которой он не разговаривал больше года. Он рассказывал это тихо, не глядя на Настю, будто оправдывался перед деталями мотоцикла, а не перед ней, и на секунду его лицо, обычно скучающее и всё повидавшее, стало просто усталым — как у человека, которого слишком рано перестали спрашивать, как у него дела. Потом он, видимо, поймал себя на этом, хмыкнул, сказал "ладно, проехали" и снова стал прежним — уверенным, немного насмешливым. Но Настя запомнила это лицо у гаражей и потом долго убеждала себя, что настоящий Егор — тот, а не тот, что появляется чаще.

— Тебе сколько? — спросил он на третью встречу.

— Восемнадцать, — соврала она легко, без запинки, и сама удивилась, как гладко это вышло.

В начале октября он впервые довёз её на мотоцикле — не по городу, где могли увидеть соседи, а по объездной дороге вдоль реки, за старой лесопилкой, где асфальт заканчивался и начиналась грунтовка, разбитая тракторами. Мотоцикл в тот день, редкий случай, был на ходу, и Егор гнал по прямой так, что у Насти закладывало уши от ветра и звенело в груди то ли от страха, то ли от восторга — она сама не могла разобрать, где кончается одно и начинается другое. Они остановились на пригорке, откуда были видны сразу и труба комбината, и вся река, и крыши Ключей, маленькие и серые, будто игрушечные.

— Вот отсюда город вообще ничего из себя не представляет, — сказал Егор, закуривая. — Просто точка на карте. А ты тут живёшь так, будто это весь мир.

Настя тогда промолчала, но эта фраза застряла в ней глубоко, чем она готова была признать. Ей нравилось это ощущение — будто она, сидя на пригорке рядом с человеком, повидавшим что-то за пределами пяти улиц вдоль реки, тоже становится немного больше самой себя, немного шире того, что определяла эта труба и эта река. Она не понимала ещё, что можно любить в человеке не его самого, а то ощущение простора, которое он тебе на минуту подарил, — и что это совсем не одно и то же.

Мать быстро почувствовала неладное — матери всегда чувствуют, — и попробовала запретить.

— Я знаю таких, как он, — сказала Валентина Петровна, стоя в дверях кухни со сковородкой в руке, ещё горячей, забыв её поставить. — Он поживёт здесь, покрутит вам всем голову и уедет. А тебе жить с этим потом.

— Ты вообще ничего обо мне не знаешь, — ответила Настя и хлопнула дверью своей комнаты, чувствуя, как эта фраза приятно отдаётся в груди, будто она наконец сказала что-то по-настоящему взрослое.

Ксюша была осторожнее в оценках, но и она однажды сказала:

— Он на тебя смотрит, как на что-то, что можно взять и потом положить обратно, если надоест.

Настя тогда обиделась так сильно, что не разговаривала с ней две недели. Ей казалось, что все вокруг просто завидуют — тому, что у неё наконец есть что-то настоящее, что-то, что вырывает её из этого серого города хотя бы внутри неё самой.

Глава третья.

Комната на Заречной

Через два месяца Настя ушла из дома. Не окончательно, как ей тогда представлялось, а просто взяла сумку с вещами одним апрельским вечером, оставила на кухонном столе записку "не волнуйся, я взрослая, я справлюсь" и переехала в комнату, которую Егор снимал на Заречной улице у одной глухой старухи, бравшей деньги вперёд и не задававшей вопросов.

Первые недели были похожи на то, что она себе представляла. Никто не спрашивал, во сколько она пришла. Никто не проверял её телефон. Она устроилась работать в кафе при автостанции — мыть посуду и иногда стоять на кассе, когда не хватало людей, — и в первый день, получив от заведующей триста рублей аванса, купила на них не что-то нужное, а серьги, потому что могла, потому что это было её решение и больше ничьё.

Комната на Заречной оказалась холодной — обогреватель грел только полметра вокруг себя, а старуха хозяйка не разрешала включать его дольше чем на пару часов вечером, экономя на счётчике.

У них был один чайник на двоих — мятый, с отломанной ручкой, обмотанной синей изолентой, — и по вечерам, если

Егор был дома, они пили чай по очереди из одной кружки, потому что вторую так и не купили: то не было денег, то не было повода спуститься в магазин вместе. Настя первое время думала, что это даже трогательно — делить одну кружку на двоих, — пока не заметила, что Егор наливает себе первым, не спрашивая, и что это стало привычкой, а не жестом.

Однажды она попыталась рассказать ему, как прошёл день в кафе — про то, как заведующая накричала на неё из-за разбитой тарелки, про то, как хотелось разреветься прямо у мойки. Она не договорила до середины: Егор встал, сказал "ага", не отрывая взгляда от телефона, и вышел курить на лестницу, оставив её договаривать фразу в пустую комнату. Она посидела ещё немного, глядя на дверь, а потом решила, что просто плохо рассказывала — сама, наверное, была неинтересной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.